

*ЛВОВ Александр Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч. трех коллективных монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7375-3327>

ИСТОРИКИ ФИЛОСОФИИ В СИТУАЦИИ ГИПЕРТЕКСТА¹

В статье анализируются актуальные дискуссии по методологии истории философии и их общегуманитарный контекст. Сравнительный анализ эпистемологических установок истории идей (на примере работ А.О. Лавджоя, И. Берлина, а также исследований западного канона Г. Блума) и истории понятий (от пионера этой области исследований Г. Тейхмюллера до Р. Козеллека, К. Скиннера и Дж. Покока) позволяет установить особенности этих двух подходов, а также понять, существуют ли точки совпадения и каковы расхождения между ними. Кроме того, в статье освещаются важнейшие следствия из применения их историками философии как самостоятельных исследовательских дисциплин, таких как социальная антропология, литературоведение, лингвистика. В связи с этим обсуждается канонизация форм мышления как эффективный способ идентификации человека с определенным «воображаемым сообществом», которое одновременно обуславливает образ мысли своего субъекта и поддерживается им. Проведенный анализ позволяет утверждать, что поиски историков философии способствуют формированию парадигмальности самой философии, а следовательно, идеологических форм ее репрезентации; методологический успех историков философии заключается в таких особенностях их эвристических стратегий, которые позволяют им иметь дело с подлинной генеалогией настоящего, в рамках которой современность обнаруживает свои основания. Таким образом, историки философии оказываются в ситуации гипертекста, поскольку методология историко-философского поиска формирует исследовательскую среду. Подобная эвристика роднит исследования современных историков философии с работами представителей структурализма, который как метод оказался плодотворным вначале в науках о языке, а затем и в социальных науках.

Ключевые слова: историки философии, история идей, история понятий, западный канон, гипертекст.

*Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; e-mail: a.lvov@spbu.ru

Для цитирования: Львов А.А. Историки философии в ситуации гипертекста // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 2. С. 99–109. DOI: 10.37482/2687-1505-V092

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

Введение

Новейшая философия второй половины XX века сделала существенный шаг вперед относительно пристрастия к «играм в классику» представителей гуманитарного знания Нового времени. С возникновением философии и истории науки, а впоследствии – истории идей исследователи начали уделять пристальное внимание приключениям сюжетов «одиссей духа», предпринимая попытки разглядеть стоящую за хитросплетениями ариадниной нити европейской философии архетипическую структуру лабиринта мысли. Все это роднит поиски современных историков философии со структуралистскими исследованиями, проявившими себя как эффективные изначально в языкознании и литературоведении, а потом и в социальных науках.

Культурные установки постмодерна сформировали заманчивое представление о действительности как о гипертексте: каждый элемент этого мира так или иначе создан функционально-безликими авторами, и каждый следующий бессубъектный автор может деконструировать реальность, открывая тем самым новые ее границы. Наша статья посвящена исследованию актуальных дискуссий по методологии истории философии и их общегуманитарного контекста. Мы проанализируем два важнейших методологических направления, в которых работают современные историки философии, – историю идей и историю понятий. Исходя из исследования их эпистемологических установок мы попытаемся сформулировать, в чем заключаются особенности этих двух подходов, существуют ли точки совпадения и каковы расхождения между ними, а также осветим важнейшие для истории философии следствия из их применения как самостоятельных исследовательских дисциплин.

История идей и западный канон

Изначально само понятие «история идей» было предложено А.О. Лавджоем для разработанной им области исследований на контрасте с собственно историей философии. В истории идей изучались те принципы, которые заключаются в так называемых элементарных иде-

ях (или «идеях-единицах», *unit-ideas*), а также проявляющихся в дальнейшем следствий из них. С точки зрения Лавджоя, «большинство философских систем оригинальны и отличны от других не столько своими элементами, сколько их сочетаниями» [1, с. 9]; иными словами, количество таких элементарных идей ограничено, но всякий раз в оригинальной философской системе они предстают по-разному.

История идей как дисциплина сосредоточивается на изучении таких разнородных элементов, как «бессознательные ментальные привычки», которые обнаруживают свои проявления в самых разных областях знания, и в этом отношении она является «попыткой исторического синтеза», осмысляющего «процессы взаимовлияния разных сфер» [1, с. 21]. Сам междисциплинарный характер истории идей (который, правда, современными исследователями все чаще ставится под сомнение [2, 3]) делает эту область исследований свободной от общепринятого разделения литературы, истории мысли и иных гуманитарных сфер по национальному признаку; при этом утверждается, что элементарные идеи проявляются в «коллективной мысли больших групп людей» [1, с. 24].

Наконец, по замыслу Лавджоя, история идей не ограничивается исследованием только собственно исторического материала, ведь ее аналитический метод может быть эффективно применен для осмысления современных («новых») интеллектуальных течений или убеждений. Вооруженные таким методом, историки идей вновь и вновь принимались за анализ общих сюжетов в истории мысли, причем основополагающей проблемой для них нередко становилось осмысление актуальной ситуации (как интеллектуальной, так и политической) *als ob* сквозь призму истории мысли. Убедительным примером тому могут служить работы И. Берлина, в которых часто за фасадом исторического изыскания стоит критика современности.

Лучше всего характер творчества этого оксфордского профессора русско-еврейского происхождения (эти биографические подробности оказали существенное влияние на круг его

научных интересов) отображает характерное для французского Просвещения понятие «философ» (*philosophe*). Как отмечает А.М. Эткин, И. Берлин был склонен к изустному философствованию при чтении лекций с кафедры, отчего эссеистика его приобретала интонации доверительной беседы; это внимание к выразительному слову стало важным элементом его творческого стиля: «Идеи живут в людях; Берлина равно интересовали те и другие» [4, с. 5–6]. Такая ориентация на «вчувствование» (*Einfühlen*) в идеи интересовавших его мыслителей и деятелей прошлого была свойственна и самому И. Берлину. Об исторических корнях этого метода он подробно рассуждает в предисловии к своему труду по сравнительному исследованию идей Дж. Вико и И.Г. Гердера: «...абстрактные формулы, общие теории, научные законы – это ключи, которые не открывают личностных дверей. Только сочетание исторической науки с отзывчивой, наделенной воображением чувствительностью может найти путь ко внутренней жизни, к мировоззрению, стремлениям, ценностям и образу жизни индивидов или групп людей, или целых цивилизаций» [5, р. 15]. Во многом эта исследовательская интенция восходит к учителю Гердера И.Г. Гаману, который полагал, что только *любознательное понимание* индивидуальных особенностей и дискурсов соответствующих философских направлений может привести историков мысли к успешной их интерпретации; впрочем, подобная ориентация на историко-философскую герменевтику оказалась востребованной в конце XIX века, прежде всего в работах В. Дильтея.

Взгляд на историю идей, предполагающий их толкование словно изнутри эпохи, учитывающий специфические тонкости узуса и отношений между членами интеллектуального сообщества, роднит так понятую историю идей с философско-антропологическим исследованием. Отметим, что указанное направление, таким образом, оригинально дополняет компаративистскую линию поисков историков философии, методологически и сущностно расширяющую методологию самой истории мысли [6, с. 163].

Еще одним направлением в философии и антропологии оказываются исследования принципов канонизации мышления, цель которых – выявление особых структур в человеческом сознании и культуре. Как заметил К. Леви-Стросс, наличие структур, лежащих в основании систем родства, позволяет нам говорить об особенностях общественного образа жизни, которым человек и отличается от животного: «...социальный характер родству придает не то, что оно должно сохранить от природы, а то основное, благодаря чему родство отделяется от природы» [7, с. 64].

Проблема идентичности человека в больших группах людей, объединенных некоей общей идеей, существующих в метафизическом единстве друг с другом, занимала исследователей с середины XIX века. От провозглашенной В. фон Гумбольдтом идеи мировоззрения (картины мира, *Weltansicht*), обуславливающей образ окружающей человека действительности и одновременно поддерживаемой им, ответвляются различные проекты национальных идей и националистических идеологий, составивших целый ансамбль политико-культурологических воззрений на природу отношений между различными народами мира.

Гумбольдтовский концепт *картина мира* оказывается очень востребованным паттерном в области интеллектуальной истории, ведь поиски принципов идентичности современного человека ведутся и в более широком культурном контексте. В частности, это касается известного в гуманитарной науке феномена *воображаемых сообществ*. Для примера, вспомним ставшую к настоящему моменту классической теорию происхождения национальных государств Б. Андерсона. С его точки зрения, целый ряд культурно-технических достижений молодой новоевропейской цивилизации: изобретение книгопечатания, создание прочных торговых связей между колониями в Новом Свете и европейскими метрополиями, возникновение национальных литератур, выпуск газет и пр. – позволил сформировать нации как «воображаемые сообщества». Это группы людей, которые

ничего не знают о большей части членов этого сообщества, однако ощущают некое единство с ними; при этом такое сообщество, сколь великим бы оно ни было, всегда ограничено, причем по ту сторону границы нации лежат иные «воображаемые сообщества». Наиболее явно артикулированным символом такого объединения (и в этом проявляется еще одна важнейшая его черта – суверенность) является национальное государство [8, р. 20].

Национальная идентичность позволяет не только эффективно актуализировать базовую антропологическую дихотомию «свой–чужой», но также осознавать самого себя в терминах национального. Исследователь работ Б. Андерсона С.П. Баньковская выразительно представила этот феномен афоризмом: «...воображаемое сообщество – это не данность, не конструкт, не система, это – процесс» [9, с. 158]. В этом смысле можно говорить о том, что сама специфика человеческой идентичности заключается в ее динамическом характере: мы постоянно актуализуем себя как принадлежащих к определенному (воображаемому) сообществу, тем самым апеллируя к определенному канону.

Само понятие *канон* стало центральным в историко-культурных трудах американского исследователя Г. Блума. Его основной интерес был направлен на анализ и описание западного канона, смыслообразующим ядром которого он считал творчество В. Шекспира. С точки зрения Блума, канон – это такая формообразующая, а соответственно, и эстетическая по своей природе сила, которая позволяет устанавливать пространственно-временные связи между его создателями и реципиентами. Таким образом, возникает особая духовная традиция, которая и задает рамки такому обширному воображаемому сообществу, как западная цивилизация. Правда, Г. Блум отмечает, что этот канон – вовсе не то же самое, что список литературных произведений, с которыми в обязательном порядке должен ознакомиться каждый школьник: «Движение изнутри традиции не может иметь идеологического характера или служить какой бы то ни было общественной задаче, даже самой

достойной с этической точки зрения. Пробыть в канон позволяет одна лишь эстетическая сила, которая есть прежде всего амальгама: владение образным языком, самобытность, когнитивная сила, эрудиция, яркость стиля. Итоговая несправедливость исторической несправедливости состоит в том, что она вовсе не обязательно наделяет своих жертв чем-то, кроме ощущения жертвы. Чем бы ни был Западный канон, программой социального спасения он не является» [10, с. 42].

Один из основных тезисов Г. Блума заключается в том, что без канона мы перестанем думать [10, с. 56]. Это не значит, что без установившейся западноевропейской системы эстетических идеалов и образцов в нас останутся свойственные и незападным людям когнитивные процессы. Это означает, что, во-первых, мы перестанем существовать как представители западной цивилизации, или новоевропейцы, и, во-вторых, что мы, отказавшись от традиции, в поисках выражения того, что будоражит наш ум, неизбежно будем наталкиваться на уже кем-то когда-то открытое, т. е. воцарится эпоха плагиата. Иначе говоря, канон одновременно формирует нас и поддерживается (а отчасти и формируется) нами, что и делает его сопоставимым с идеей языковой картины мира (*Weltansicht*) В. фон Гумбольдта.

Развивая мысль Г. Блума, мы предложили бы вычленив две группы задач, реализуемых с помощью канона, – назовем эти группы *экзотерической* и *эзотерической*. Первая объединяет такие задачи, которые позволяют идентифицировать себя с соответствующими культурными установками и тем самым способствуют консолидации определенной группы людей под знаменами наивысших проявлений канона. Тогда выясняется, что это – идеологическая функция, поскольку она способствует узнаванию определенной массы людей в каких-то принадлежащих канону чертах. Вторая же группа вбирает в себя такие задачи, которые требуют от человека сознательной идентификации внутри этого канона, – он не просто знает некоторые его черты или случайных пред-

ставителей, а сознает их эстетическую ценность именно как свое экзистенциальное, жизненное пространство. Одним из способов достичь такой внутриканолической осознанности является обогащение канона посредством включения в него переводов, актуализации сюжетов в иных культурах и традициях. Заметим, что некоторые современные историки мысли стремятся показать не столько фиксированность и жесткую определенность канона, сколько его подвижность и (если речь идет о подлинно каноническом авторе, как Шекспир) всечеловеческий, по-настоящему международный характер [11].

Тем не менее повторимся, что одним из важнейших следствий из указанных методологических особенностей штудий историков философии и историков культуры является возможность конструирования прошлого. Это означает закрепление предшествующих этапов развития мысли в рамках не только сегодняшних реалий, но и господствующих представлений о сущности и характере философии; так, одной из основных ошибок, возникающих при анализе истории идей и их влияния на некий конкретный период времени, оказывается констелляция того или иного понятия во времени, как бы игнорирующая его исторический статус [12, p. 73]. Именно это и способствует формированию канона (западноевропейской традиции, истории философии и пр.), обуславливающего самый порядок движения мысли.

История понятий и историческая семантика

Исследовательская область истории понятий (*Begriffsgeschichte*) приобрела известность в связи с плодотворными историко-философскими изысканиями Р. Козеллека, результаты которых были успешно эксплицированы на социально-политические проблемы. Этот подход позволил ему и его сотрудникам развить оригинальный проект, переосмысляющий ключевые понятия современного гуманитарного тезауруса, которые составили как бы терминологическую структуру новоевропейского политического пространства (ярким примером является

реконструкция понятия «капитализм» и его культур-философское обоснование) [13].

Однако нельзя не отметить, что история понятий имеет и своего методологического предшественника, хотя и не оказавшего, по видимому, непосредственного влияния на развитие мысли Р. Козеллека. Мы имеем в виду исследование истории понятий (*Studium zur Geschichte der Begriffe*) основателя Юрьевской школы философии Г. Тейхмюллера (1832–1888). Он стал подлинным пионером этой темы. Будучи по роду своей философской деятельности историком античной мысли, верным учеником знаменитого основателя университетской философии А. Тренделенбурга, Тейхмюллер много сделал в области исследований текстов досократиков и Аристотеля, и эти интенсивные занятия классической традицией не только принесли ему первую славу, но и дали мощный концептуальный импульс к самостоятельному творческому поиску. Мы не станем распространяться здесь о его оригинальном неологизме (которое в общих чертах рассмотрено отечественными историками философии [14–16]) и сосредоточимся сугубо на его проекте истории идей.

Согласно идее Тейхмюллера, история философии нередко оборачивается повествованием, полным неточностей, пересказов о влияниях, которые оказали друг на друга те или иные философы, т. е. фактически – исторически-психологическим исследованием историков философии. Однако это далеко от задачи науки, ведь подлинная наука требует последовательности доводов и взвешенности своих выводов. Следовательно, необходимо заняться именно тем, что производят философы и что является их подлинным делом (*Angelegenheit*), а это – понятия и, соответственно, история понятий. При этом Тейхмюллер замечает, что основная работа ложится именно на историков классической философии, поскольку своими философскими понятиями европейская традиция целиком и полностью обязана мыслителям античности. В этом, кстати, он сам называет себя последователем Тренделенбурга [17, s. V–VI].

Ученик Тейхмюллера А.А. Козлов в своей обзорной статье о творчестве немецкого философа уточняет различие между историей философии и историей понятий. История философии занимается именно системами, которые появляются в те или иные эпохи и служат источником возникновения и разработки понятий, в то время как история понятий рассматривает понятия в их становлении, развитии и «путешествии» по различным системам: «Для истории понятий одну из важных задач представляет исследование, так сказать, *странствования понятия*, причем, оставаясь по существу одним и тем же, оно, ради приоровления к той среде, где оно прилагается, может принимать несколько *анормальный* и даже *фантастический* вид. <...> ...Одно и то же понятие может проходить в разных формах и образованиях через различные, с точки зрения истории философии, системы и даже через совершенно различные области знания, каковы, например, философская и религиозная» [18, с. 662].

Несмотря на то, что Р. Козеллек фактически работал в области истории, вопросы, которые он исследовал, напрямую касаются социально-философской проблематики. Метод же, им применяемый, имеет достаточно сходных черт с проектом Г. Тейхмюллера: «...он (Тейхмюллер. – А.Л.) полагает, что само понятие истории имело длительный период исторического развития, происходя от Геродота до Гиббона, до тех пор, пока оно не достигло концептуализации в качестве фундаментального способа человеческого существования в девятнадцатом веке. До того времени, разумеется, существовали разнообразные взгляды на “историю”, согласно которым она оказывалась методом поиска (“исследованием”), местом (“прошлым”), процессом (длительностью), практикой (увечования, празднования, памяти), литературным или более точно – риторическим жанром (историческим сочинением) и даже выражением онтологической категории (человечеством)» [19,

р. ix–x]². Такое понимание истории – это вызов позитивистскому взгляду на исследование событий прошлого как на рассказ о том, что было на самом деле (согласно афоризму Л. фон Ранке): учитывая ту легкость, с которой мы, почти не задумываясь, пользуемся понятиями «демократия», «государство», «свобода» и пр. в политическом, общественном, культурном, философском, повседневном дискурсе, необходимо осознать, когда же они сформировались, можно ли говорить об их непреходящем историческом смысле. Козеллек и его сотрудники вводят понятие «седловой эпохи» (*saddle period, Sattelzeit*) – когда многие классические, после Аристотеля использовавшиеся понятия как бы переродились в условиях современности (речь идет о столетии между 1750 и 1850 годами) [20, р. 5]. Интересно при этом и то, что такого рода «приключения понятий» прослеживаются не только в контексте современных исторических поисков, ведь понятия обрастают всевозможными актуальными коннотаторами при употреблении в других областях знаний. Таким образом, изучение концептов делает историю настоящей теорией подвижного временного процесса, который перестает под таким углом зрения быть раз и навсегда данным незыблемым пространством универсальных смыслов.

Сходными методологическими проблемами занимается и К. Скиннер – один из авторов оригинального проекта в рамках современной политической философии, получившего название «Кембриджская школа изучения политических языков Нового времени»³. С точки зрения Скиннера, необходимо выяснить, что именно хотели сказать авторы тех или иных произведений, написанных в конкретных исторических обстоятельствах, не пытаясь понять их с «мета-исторической» позиции, как бы игнорируя конкретные правила пользования языком. То, что может быть сказано, должно быть сказано ясно и в рамках жизненного мира носителя этого языка, по-витгенштейновски считает Скиннер.

²Ср. с противопоставлением *Geschichte* и *Historie* у самого Козеллека: [20, р. 3].

³Под этим названием объединяются работы К. Скиннера, Дж. Покока, Дж. Данна – см.: [21, с. 7].

Отсюда возникает и центральный тезис его методологического манифеста: «Известное правило, которым следует руководствоваться... заключается в том, что мы должны изучать не значения слов, а их использование. Потому что в конечном счете нельзя сказать, что у идеи в этом смысле *есть* какое-то значение, которое можно представить как набор слов, а затем разработать и проследить, как оно менялось с течением времени. Скорее значение понятия должно *определяться* его употреблением в различных контекстах» [22, с. 95]. Соответственно, именно изучение текстов оказывается подлинно исторической работой: ведь только герменевтика таких свидетельств эпохи, как трактаты Т. Гоббса или Н. Макиавелли, может раскрыть перед историками философии движение мысли авторов через порядок употребления соответствующих понятий.

В том же направлении двигалась мысль и Дж. Покока, одного из основоположников этого метода истории понятий политической философии наряду с К. Скиннером. Он также стремится анализировать сложившиеся в определенные исторические периоды политические языки, или, как он сам их называет, «идиомы» и «дискурсы». При этом интересно, что всякий текст, с которым работает исследователь, выполняет двойную функцию: с одной стороны, он представляет собой выражение авторского сознания, с другой стороны – коммуникативный акт в дискурсивном пространстве, включающем и других участников [23, с. 178]. Следовательно, перед нами оказывается динамичное коммуникативное пространство, наполненное постоянно изменяющимися смыслами, в котором даже происходят разрывы с предшествующими дискурсивными практиками. Такой взгляд на дело историка – изучение истории языка в контексте эмпирических метаморфоз – роднит Дж. Покока с представителями французской линии интеллектуальной истории, прежде всего с Л. Альтюссером и М. Фуко, воспринявшими от Г. Башляра идею эпистемологического разрыва.

Однако здесь же следует указать и на то важное методологическое обстоятельство, которое объединяет представителей Кембриджской школы и историю понятий Козеллека, но вовсе исключает из этого единства описанный выше проект Тейхмюллера, – мы говорим об уверенности указанных авторов в том, что никаких вечных философских проблем не существует: «...в философии просто нет вечных вопросов: есть лишь отдельные ответы на отдельные вопросы, причем различных ответов столько же, сколько и вопрошающих» [22, с. 111]. Разумеется, последователь Г.В. Лейбница должен был иметь в виду *philosophia perennis* как условие самой возможности проследить исторические видоизменения концептов в качестве подлинных героев историко-философского процесса. В работах же современных исследователей, обращающих пристальное внимание на вопросы языка и его дискурсивных функций, понятия превращаются из героев действия в средства взаимодействия подлинных героев историко-философской драмы. Вот почему их статус в коммуникативном пространстве политического становится динамичным: с их помощью участники коммуникации получают возможность выражать истину момента, т. е. придавать ему статус поступка⁴.

Выводы

1. Поиски историков философии способствуют формированию парадигмальности самой философии, а следовательно, идеологических форм ее репрезентации. Мы хотели бы подчеркнуть, что под понятием идеологического мы не имеем в виду никакой оценочной характеристики; напротив, с нашей точки зрения, сама возможность принять форму идеологического проекта отвечает принципам новоевропейской научности. В противном случае мы снова имели бы дело с субъективным конструктом истории мысли, характерным для системосозидательных доктрин. Фактически и историки философии, и историки идей или понятий вынуждены балансировать между

⁴Тем самым осмысляется классическое положение *dictum–factum* – см.: [22, с. 102].

двумя крайностями – идеологизации и произвольности своих методологических установок.

2. Методологический успех историков философии обусловлен активным использованием материалов или эвристических стратегий из иных дисциплин. Так, в исследованиях канона Г. Блум многое берет от литературоведения, метод К. Скиннера основывается на исторических исследованиях Р.Дж. Коллингвуда, а история идей А.О. Лавджоя едва ли мыслима без развитого взаимодействия прочих отраслей гуманитарного знания. Так или иначе, все эти проекты по истории мысли соотносятся по своей эвристической цели с лингвистическим концептом картины мира В. фон Гумбольдта.

3. Современное историко-философское исследование отходит от классических образцов середины XIX века, предлагая постоян-

ное переосмысление собственного материала. Фактически здесь мы возвращаемся к заявленному названию статьи: история философии сегодня оказывается в ситуации гипертекста – в том смысле, что сам историко-философский поиск формирует исследовательскую среду. Попытка историков мысли отойти от позитивистского представления «как было на самом деле» сопрягается с условностью границ собственно философского творчества, а динамически взаимодействующие друг с другом историко-философские смыслы раскрывают антропологические аспекты конструирования истории мысли. Таким образом, в своей деятельности историки философии работают с подлинной генеалогией настоящего, в рамках которой современность обнаруживает свои основания.

Список литературы

1. Лавджой А. Великая цепь бытия. М.: Дом интеллектуал. кн., 2001. 376 с.
2. Власова О.А. Интеллектуальная история как поле методологического самосознания историков философии // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 105–114. DOI: [10.17223/1998863X/54/11](https://doi.org/10.17223/1998863X/54/11)
3. Львов А.А. Историки философии в поиске оснований своей дисциплины: статус истории философии и историко-философская работа // Уч. зап. Крым. федер. ун-та им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3(69), № 4. С. 84–94.
4. Эткин А. Предисловие // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое лит. обозрение, 2001. С. 5–6.
5. Berlin I. Three Critics of the Enlightenment: Vico, Hamann, Herder. London: Pimlico, 2000. 382 p.
6. Колесников А.С. Современная сравнительная история философии в антропологической перспективе // Гуманит. вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 156–165. DOI: [10.21209/1996-7853-2020-15-4-156-165](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-4-156-165)
7. Леву-Строс К. Структурная антропология. М.: АСТ: Астрель, 2011. 541 с.
8. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2006. 351 p.
9. Баньковская С.П., Кильдюшов О.В. Свой, Другой, Чужой: Бенедикт Андерсон и социологическое измерение национализма // Вопр. национализма. 2019. № 1(32). С. 143–161.
10. Блум Г. Западный канон. Книжки и школа всех времен. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 667 с.
11. Holderness G. 'An Arabian in My Room': Shakespeare and the Canon // Crit. Surv. 2014. Vol. 26, № 2. P. 73–89.
12. Musolff A. Metaphor, Nation and the Holocaust the Concept of the Body Politic. N. Y.: Routledge, 2010. 210 p.

13. Наумова Е.И. Культур-философское обоснование развития понятия «капитализм» // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и соц. технологии. 2014. № 5(25). С. 29–33.
14. Эзри Г.К. Философия Лотце и Тейхмюллера и русская религиозная философия «всеединства»: общность подходов в онтологии и антропологии // Междунар. журн. гуманит. и естеств. наук. 2018. № 11-2. С. 122–126. DOI: [10.24411/2500-1000-2018-10209](https://doi.org/10.24411/2500-1000-2018-10209)
15. Ивлева М.И. Формирование спиритуалистической философской системы в трудах Г. Тейхмюллера // Право и практика. 2019. № 1. С. 325–328.
16. Бердникова А.Ю. «Назад к Канту» или «назад к Лейбницу»? Критический взгляд из истории русского метафизического персонализма // Кантов. сб. 2017. Т. 36, № 2. С. 33–45. DOI: [10.5922/0207-6918-2017-2-3](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2017-2-3)
17. Teichmüller G. Neuen Studien zur Geschichte der Begriffe. Bd. 1: Herakleitos. Gotha, 1876. 269 s.
18. Козлов А. Густав Тейхмюллер (Окончание) // Вопр. философии и психологии. 1894. Кн. 25. С. 661–681.
19. White H. Foreword // Koselleck R. The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts. Stanford: Stanford University Press, 2002. P. IX–XIV.
20. Koselleck R. The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts. Stanford: Stanford University Press, 2002. 363 p.
21. Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 7–50.
22. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 53–122.
23. Покок Дж. The State of the Art // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое лит. обозрение, 2018. С. 142–188.

References

1. Lovejoy A.O. *The Great Chain of Being: A Study of the History of an Idea*. Cambridge, 1936 (Russ. ed.: Lavdzhoy A. *Velikaya tsep' bytiya*. Moscow, 2001. 376 p.).
2. Vlasova O.A. Intellektual'naya istoriya kak pole metodologicheskogo samosoznaniya istorikov filosofii [Intellectual History as a Field of Methodological Self-Consciousness of Historians of Philosophy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2020, no. 54, pp. 105–114. DOI: [10.17223/1998863X/54/11](https://doi.org/10.17223/1998863X/54/11)
3. L'vov A.A. Istoriki filosofii v poiske osnovaniy svoey distsipliny: status istorii filosofii i istoriko-filosofskaya rabota [How Historians of Philosophy Substantiate Their Discipline: The Status of History of Philosophy and Historical and Philosophical Research]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 84–94.
4. Etkind A. Predislovie [Foreword]. Berlin I. *Filosofiya svobody. Evropa* [The Philosophy of Freedom. Europe]. Moscow, 2001, pp. 5–6.
5. Berlin I. *Three Critics of the Enlightenment: Vico, Hamann, Herder*. London, 2000. 382 p.
6. Kolesnikov A.S. Sovremennaya sravnitel'naya istoriya filosofii v antropologicheskoy perspektive [Contemporary Comparative History of Philosophy in Anthropological Prospect]. *Gumanitarnyy vektor*, 2020, vol. 15, no. 4, pp. 156–165. DOI: [10.21209/1996-7853-2020-15-4-156-165](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-4-156-165)
7. Lèvi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow, 2011. 541 p.
8. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 2006. 351 p.

9. Ban'kovskaya S.P., Kil'dyushov O.V. Svoy, Drugoy, Chuzhoy: Benedikt Anderson i sotsiologicheskoe izmerenie natsionalizma [The Friend, the Other, the Alien: A Conversation on Benedict Anderson and the Sociological Dimension of Nationalism]. *Voprosy natsionalizma*, 2019, no. 1, pp. 143–161.

10. Bloom H. *The Western Canon. The Books and School of the Ages*. New York, 1994. 578 p. (Russ. ed.: Blum G. *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vseh vremen*. Moscow, 2017. 672 p.).

11. Holderness G. 'An Arabian in My Room': Shakespeare and the Canon. *Crit. Surv.*, 2014, vol. 26, no. 2, pp. 73–89.

12. Musolf A. *Metaphor, Nation and the Holocaust: The Concept of the Body Politic*. New York, 2010. 210 p.

13. Naumova E.I. Kul'tur-filosofskoe obosnovanie razvitiya ponyatiya "kapitalizm" [Cultural and Philosophic Substantiation of the Development of the Concept of Capitalism]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*, 2014, no. 5, pp. 29–33.

14. Ezri G.K. Filosofiya Lottse i Teykhmyullera i russkaya religioznaya filosofiya "vseedinstva": obshchnost' podkhodov v ontologii i antropologii [Philosophy of Lotze and Teichmüller and Russian Religious Philosophy of "All-Unity": Common Approaches in Ontology and Anthropology]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2018, no. 11-2, pp. 122–126. DOI: [10.24411/2500-1000-2018-10209](https://doi.org/10.24411/2500-1000-2018-10209)

15. Ivleva M.I. Formirovanie spiritualisticheskoy filosofskoy sistemy v trudakh G. Teykhmyullera [The Formation of Spiritualist Philosophical System in the Works of G. Teichmüller]. *Pravo i praktika*, 2019, no. 1, pp. 325–328.

16. Berdnikova A.Yu. "Nazad k Kantu" ili "nazad k Leybnitsu"? Kriticheskiy vzglyad iz istorii russkogo metafizicheskogo personalizma ['Back to Kant' or 'Back to Leibnitz'? A Critical View from the History of Russian Metaphysical Personalism]. *Kantovskiy sbornik*, 2017, vol. 36, no. 2, pp. 33–45. DOI: [10.5922/0207-6918-2017-2-3](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2017-2-3)

17. Teichmüller G. *Neuen Studien zur Geschichte der Begriffe. Vol. 1: Herakleitos*. Gotha, 1876, pp. V–VI.

18. Kozlov A. Gustav Teykhmyuller (Okonchanie) [Gustav Teichmüller (Ending)]. *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1894, book 25, pp. 661–681.

19. White H. Foreword. Koselleck R. *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts*. Stanford, 2002, pp. IX–XIV.

20. Koselleck R. *The Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concepts*. Stanford, 2002. 363 p.

21. Atnashev T., Velizhev M. Kembridzhskaya shkola: istoriya i metod [The Cambridge School: History and Method]. *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow, 2018, pp. 7–50.

22. Skinner Q. Znachenie i ponimanie v istorii idey [Meaning and Understanding in the History of Ideas]. *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow, 2018, pp. 53–122.

23. Pocock J.G.A. The State of the Art. *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow, 2018, pp. 142–188.

For citation: L'vov A.A. Historians of Philosophy in the Situation of Hypertext. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 99–109. DOI: [10.37482/2687-1505-V092](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V092)

DOI: 10.37482/2687-1505-V092

Aleksandr A. L'vov

Saint Petersburg State University;
Universitetskaya nab. 7/9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7375-3327> e-mail: a.lvov@spbu.ru

HISTORIANS OF PHILOSOPHY IN THE SITUATION OF HYPERTEXT

This paper turns to contemporary discussions on the methodology in the history of philosophy and their general context of the humanities. A comparative analysis of the epistemological stances of the history of ideas (using the works by A.O. Lovejoy and I. Berlin, as well as H. Bloom's studies on the Western canon) and conceptual history (from the pioneer in this area G. Teichmüller to R. Koselleck, Q. Skinner and J. Pocock) allows us to identify the peculiarities of both approaches as well as to reveal any points of converging and differences between them. Moreover, the article dwells on the main consequences of their use by the historians of philosophy as independent areas of research, such as cultural anthropology, study of literature, and linguistics. In addition, the paper discusses the canonization of forms of thinking as an efficient way of making a person identify him/her with a certain "imaginary community", which simultaneously determines the subject's way of thinking and is supported by him/her. The analysis performed allows us to infer the following: inquiries of historians of philosophy support the elaboration of paradigms and ideological forms of their representation; their methodological success consists in a specific character of their heuristic strategies that enables them to deal with the genuine genealogy of the present, in which contemporaneity finds its foundations. Thus, historians of philosophy are faced with the situation of hypertext as the research area is formed by the methodology of historical-philosophical inquiry. Such a heuristics brings contemporary historians of philosophy together with theorists of structuralism, which had previously dominated the studies of language and social sciences.

Keywords: *historians of philosophy, history of ideas, conceptual history, Western canon, hypertext.*

Поступила: 22.10.2020

Принята: 02.02.2021

Received: 22 October 2020

Accepted: 2 February 2021